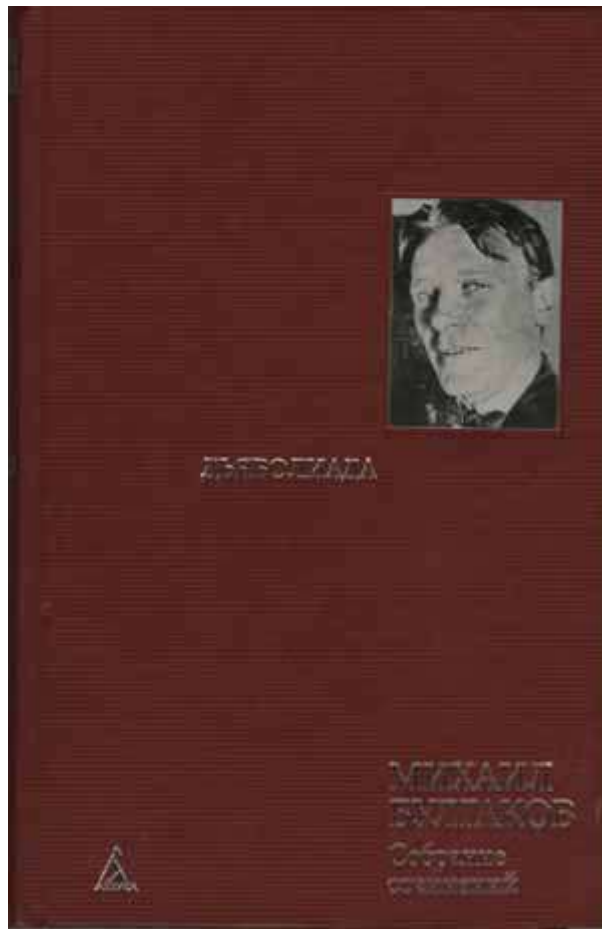

Михаил Афанасьевич Булгаков Ханский огонь

*«Т. 3: Дьяволиада: повести, рассказы и фельетоны 20-х годов»: Азбука-классика; СПб; 2002
ISBN 5-352-00139-3; 5-352-00142-2 (т. 3)*

Аннотация

Сочинение это вызывало и вызывает в настоящее время восторженные отклики писателей, критиков, читателей. Вот как характеризует это произведение известный литературовед В. В. Новиков: «„Ханский огонь“ – наиболее булгаковская вещь. По жанру это скорее повесть, чем рассказ, – с острейшим занимательным сюжетом и с рельефно выписанными типами... Изобразительная сила его рассказа (в пластических деталях) равна бунинской... Может быть, это самый живописный из повествовательных рассказов Булгакова. И самый историчный. Весь его строй утверждает: логика истории имеет свои законы»

Михаил Афанасьевич Булгаков ХАНСКИЙ ОГОНЬ

Когда солнце начало садиться за орешневские сосны и Бог Аполлон Печальный перед дворцом ушел в тень, из флигеля смотрительницы Татьяны Михайловны прибежала уборщица Дунька и закричала:

– Иона Васильич! А, Иона Васильич! Идите, Татьяна Михайловна вас кличут. Насчет экскурсий. Хворая она. Во щека!

Розовая Дунька колоколом вздула юбку, показала голые икры и понеслась обратно.

Дряхлый камердинер Иона бросил метлу и поплелся мимо заросших бурьяном пожараиш конюшен к Татьяне Михайловне.

Ставни во флигельке были прикрыты, и уже в сенцах сильно пахло йодом и камфарным маслом. Иона потыкался в полутьме и вошел на тихий стон. На кровати во мгле смутно виднелась кошка Мумка и белое заячье с громадными ушами, а в нем страдальческий глаз.

– Аль зубы? – сострадательно прошамкал Иона.

– Зу-убы... – вздохнуло белое.

– У... у... у... вот она, история, – пособолезновал Иона, – беда! То-то Цезарь воеет, воеет... Я говорю: чего, дурак, воешь среди бела дня? А? Ведь это к покойнику. Так ли я говорю? Молчи, дурак. На свою голову воешь. Куриный помет нужно прикладывать к щеке – как рукой снимет.

– Иона... Иона Васильич, – слабо сказала Татьяна Михайловна, – день-то показательный – среда. А я выйти не могу. Вот горе-то. Вы уж сами пройдите тогда с экскурсантами. Покажите им все. Я вам Дуньку дам, пусть с вами походит.

– Ну, что ж... Велика мудрость. Пущай. И сами управимся. Присмотрим. Самое главное – чашки. Чашки самое главное. Ходят, ходят разные... Долго ли ее... Возьмет какой-нибудь в карман, и поминай как звали. А отвечать – кому? Нам. Картину – ее в карман не спрячешь. Так ли я говорю?

– Дуняша с вами пойдет – сзади присмотрит. А если объяснений будут спрашивать, скажите, смотрительница заболела.

– Ладно, ладно. А вы – пометом. Доктора – у них сейчас рвать, щеку резать. Одному так-то вот вырвали, Федору орешневскому, а он возьми да и умри. Это вас еще когда не было. У него тоже собака выла во дворе.

Татьяна Михайловна коротко простонала и сказала:

– Идите, идите, Иона Васильич, а то, может, кто-нибудь и приехал уже...

Иона отпер чугунную тяжелую калитку с белым плакатом:

**УСАДЬБА-МУЗЕЙ
ХАНСКАЯ СТАВКА
Осмотр по средам, пятницам
и воскресеньям
от 6 до 8 час. веч.**

И в половине седьмого из Москвы на дачном поезде приехали экскурсанты. Во-первых, целая группа молодых смеющихся людей человек в двадцать. Были среди них подростки в рубашках хаки, были девушки без шляп, кто в белой матросской блузке, кто в пестрой кофте. Были в сандалиях на босу ногу, в черных стоптанных туфлях; юноши в тупоносых высоких сапогах.

И вот среди молодых оказался немолодой лет сорока, сразу поразивший Иону. Человек был совершенно голый, если не считать коротеньких бледно-кофейных штанишек, не доходивших до колен и перетянутых на животе ремнем с бляхой «1-е реальное училище», да еще пенсне на носу, склеенное фиолетовым сургучом. Коричневая застарелая сыпь покрывала сутуловатую спину голого человека, а ноги у него были разные – правая толще левой, и обе разрисованы на голених узловатыми венами.

Молодые люди и девицы держались так, словно ничего изумительного не было в том, что голый человек разъезжает в поезде и осматривает усадьбы, но старого скорбного Иону голый поразил и удивил.

Голый между девушек, задрал голову, шел от ворот ко дворцу, и один ус у него был лихо закручен и борода подстрижена, как у образованного человека. Молодые, окружив Иону, лопотали, как птицы, и все время смеялись, так что Иона совсем запутался и расстроился, тоскливо думал о чашках и многозначительно подмигивал Дуньке на голого. У той щеки готовы были лопнуть при виде разноногого. А тут еще Цезарь, как на грех, явился откуда-то и всех пропустил беспрепятственно, а на голого залаял с особенной хриплой, старческой злобой, давясь и кашляя. Потом завыл – истошно, мучительно.

«Тьфу, окаянный, – злобно и растерянно думал Иона, косясь на незваного гостя, – принесла нелегкая. И чего Цезарь воет. Ежели кто помрет, то уж пушай этот голый».

Пришлось Цезаря съездить по ребрам ключами, потому что вслед за толпой шли отдельно пятеро хороших посетителей. Дама с толстым животом, раздраженная и красная из-за голого. При ней девочка-подросток с заплетенными длинными косами. Бритый высокий господин с дамой красивой и подкрашенной и пожилой богатый господин иностранец, в золотых очках колесами, широком светлом пальто, с тростью. Цезарь с голого перекинулся на хороших посетителей и с тоской в мутных старческих глазах сперва залаял на зеленый зонтик дамы, а потом взвыл на иностранца так, что тот побледнел, попятился и проворчал что-то на не известном никому языке.

Иона не вытерпел и так угостил Цезаря, что тот оборвал вой, заскулил и пропал.

– Ноги о половичок вытирайте, – сказал Иона, и лицо у него стало суровое и торжественное, как всегда, когда он входил во дворец. Дуньке шепнул: «Посматривай, Дунь...» – и отпер тяжелым ключом стеклянную дверь с террасы. Белые боги на балюстраде приветливо посмотрели на гостей.

Те стали подниматься по белой лестнице, устланной малиновым ковром, притянутым золотыми прутьями. Голый оказался впереди всех, рядом с Ионой, и шел, гордо попирая босыми ступнями пушистые ступени.

Вечерний свет, смягченный тонкими белыми шторами, сочился наверху через большие стекла за колоннами. На верхней площадке экскурсанты, повернувшись, увидели пройденный провал лестницы, и балюстраду с белыми статуями, и белые простенки с черными полотнами портретов, и резную люстру, грозящую с тонкой нити сорваться в провал. Высоко, улета куда-то, вились и розовели амуры.

– Смотри, смотри, Верочка, – зашептала толстая мать, – видишь, как князья жили в нормальное время.

Иона стоял в сторонке, и гордость мерцала у него на бритом сморщенном лице тихо, по-вечернему.

Голый поправил пенсне на носу, осмотрелся и сказал:

– Растрелли строил. Это несомненно. Восемнадцатый век.

– Какой Растрелли? – отозвался Иона, тихонько кашлянув. – Строил князь Антон Иоаннович, царствие ему небесное, полтора ста лет назад. Вот как, – он вздохнул. – Пра-пра-прадед нынешнего князя.

Все повернулись к Ионе.

– Вы не понимаете, очевидно, – ответил голый, – при Антоне Иоанновиче, это верно, но ведь архитектор-то Растрелли был? А во-вторых, царствия небесного не существует и князя нынешнего, слава Богу, уже нет. Вообще я не понимаю, где руководительница?

– Руководительша, – начал Иона и засопел от ненависти к голому, – с зубами лежит, помирает, к утру кончится. А насчет царствия – это вы верно. Для кой-кого его и нету. В небесное царствие в срамном виде без штанов не войдешь. Так ли я говорю?

Молодые захохотали все сразу, с треском. Голый заморгал глазами, оттопырил губы.

– Однако, я вам скажу, ваши симпатии к царству небесному и к князьям довольно странны в теперешнее время... И мне кажется...

– Бросьте, товарищ Антонов, – примирительно сказал в толпе девичий голос.

– Семен Иванович, оставь, пускай! – прогудел срывающийся бас.

Пошли дальше. Свет последней зари падал сквозь сетку плюща, затянувшего стеклянную дверь на террасу с белыми вазами. Шесть белых колонн с резными листьями вверху поддержи-

вали хоры, на которых когда-то блестели трубы музыкантов. Колонны возносились радостно и целомудренно, золоченые легонькие стулья чинно стояли под стенами. Темные гроздьи кенкетов глядели со стен, и точно вчера потушенные были в них обгоревшие белые свечи. Амуры вились и заплетались в гирляндах, танцевала обнаженная женщина в нелепых облаках. Под ногами разбегался скользкий шашечный паркет. Странна была новая живая толпа на чернополосных шашках, и тяжел и мрачен показался иностранец в золотых очках, отделившийся от групп. За колонной он стоял и глядел зачарованно вдаль через сетку плюща.

В смутном говоре зазвучал голос голого. Повозив ногой по лоснящемуся паркету, он спросил у Ионы:

– Кто паркет делал?

– Крепостные крестьяне, – ответил неприязненно Иона, – наши крепостные.

Голый усмехнулся неодобрительно.

– Сработано здорово, что и говорить. Видно, долго народ гнул спину, выпиливая эти штучки, чтоб потом тунеядцы на них ногами шаркали. Онегины... трэнь... брень... Ночи напролет, вероятно, плясали. Делать-то ведь было больше нечего.

Иона про себя подумал: «Вот чума голая навязалась, прости Господи», – вздохнул, pokrutil головой и повел дальше.

Стены исчезли под темными полотнами в потускневших золотых рамах. Екатерина II в горностае, с диадемой на взбитых белых волосах, с насурьмленными бровями, смотрела во всю стену из-под тяжелой громадной короны. Ее пальцы, остроконечные и тонкие, лежали на ручке кресла. Юный курносый¹, с четырехугольными звездами на груди, красовался на масляном полотне напротив и с ненавистью глядел на свою мать. А вокруг сына и матери до самого лепного плафона глядели княгини и князья Тугай-Бег-Ордынские со своими родственниками.

Отливая глянцем, чернея трещинами, выписанный старательной кистью живописца XVIII века по неверным преданиям и легендам, сидел во тьме гаснущего от времени полотна раскосый, черный и хищный, в мурмолке с цветными камнями, с самоцветной рукоятью сабли родоначальник – повелитель Малой орды хан Тугай.

За полтысячи лет смотрел со стен род князей Тугай-Бегов, род знатный, лихой, полный княжеских, ханских и царских кровей. Тускнея пятнами, с полотен вставала история рода с пятнами то боевой славы, то позора, любви, ненависти, порока, разврата...

На пьедестале бронзовый позеленевший бюст старухи матери в бронзовом чепце с бронзовыми лентами, завязанными под подбородком, с шифром на груди², похожим на мертвое овальное зеркало. Сухой рот запал, нос заострился. Неистощимая в развратной выдумке, носившая всю жизнь две славы – ослепительной красавицы и жуткой Мессалины³. В сыром тумане славного и страшного города на севере была увита легендой потому, что первой любви удостоил ее уже на склоне своих дней тот самый белолосинный генерал⁴, портрет которого висел в кабинете рядом с Александром I. Из рук его перешла в руки Тугай-Бега-отца и родила последнего нынешнего князя. Вдовой оставшись, прославилась тем, что ее нагую на канате купали в пруду четыре красавца гайдука...

Голый, раздвинув толпу, постучал ногтем по бронзовому чепцу и сказал:

– Вот, товарищи, замечательная особа. Знаменитая развратница первой половины девятнадцатого века...

Дама с животом побагровела, взяла девочку за руку и быстро отвела ее в сторону.

– Это Бог знает что такое... Верочка, смотри, какие портреты предков...

– Любовница Николая Палкина, – продолжал голый, поправляя пенсне, – о ней даже в ро-

¹ Юный курносый... с ненавистью глядел на свою мать. – Речь идет о будущем императоре Павле I.

² ...с шифром на груди... – Шифр – знак фрейлины императрицы.

³ ...жуткой Мессалины. – Мессалина – третья жена римского императора Клавдия (10 г. до н. э. – 54 г. н. э.), известная своим коварством и развратом. Имя ее стало символом распутства.

⁴ ...белолосинный генерал... – Имеется в виду император Николай I. Лосины – панталоны из лосиной кожи – были частью военной формы в отдельных полках русской армии.

манах писали некоторые буржуазные писатели. А тут что она в имении вытворяла – уму непо-стижимо. Ни одного не было смазливового парня, на которого она не обратила бы благосклонного внимания... Афинские ночи устраивала...

Иона перекошил рот, глаза его налились мутной влагой и руки затряслись. Он что-то хотел молвить, но ничего не молвил, лишь два раза глубоко набрал воздуха. Все с любопытством смотрели то на всезнающего голого, то на бронзовую старуху. Подкрашенная дама обошла бюст кругом, и даже важный иностранец, хоть и не понимавший русских слов, вперил в спину голого тяжелый взгляд и долго его не отрывал.

Шли через кабинет князя, с эспантонами⁵, палашами⁶, кривыми саблями, с броней царских воевод, со шлемами кавалергардов⁷, с портретами последних императоров, с пищалями, мушкетерами, шпагами, дагерротипами и пожелтевшими фотографиями – группами кавалергардского, где служили старшие Тугай-Беги, и конного, где служили младшие, со снимками скаковых лошадей тугай-беговских конюшен, со шкафами, полными тяжелых старых книг.

Шли через курительные, затканые сплошь текинскими коврами, с кальянами, тахтами, с коллекциями чубуков на стойках, через малые гостиные с бледно-зелеными гобеленами, с карсельскими старыми лампами. Шли через боскетную, где до сих пор не зачахли пальмовые ветви, через игральную зеленую, где в стеклянных шкафах золотился и голубел фаянс и сакс, где Иона тревожно косил глазами Дуньке. Здесь, в игровой, одиноко красовался на полотне блистательный офицер в белом мундире, опершийся на эфес. Дама с животом посмотрела на каску с шестиугольной звездой, на раструбы перчаток, на черные, стрелами вверх подкрученные усы и спросила у Ионы:

– Это кто же такой?

– Последний князь, – вздохнув, ответил Иона, – Антон Иоаннович, в квалегардской форме. Они все в квалегардах служили.

– А где он теперь? Умер? – почтительно спросила дама.

– Зачем умер... Они за границей теперь. За границу отбыли при самом начале, – Иона заикнулся от злобы, что голый опять ввяжется и скажет какую-нибудь штучку.

И голый хмыкнул и рот открыл, но чей-то голос в толпе молодежи опять бросил:

– Да плюнь, Семен... старик он...

И голый заикнулся.

– Как? Жив? – изумилась дама. – Это замечательно!.. А дети у него есть?

– Деток нету, – ответил Иона печально, – не благословил Господь... Да. Братец ихний младший, Павел Иоаннович, тот на войне убит. Да. С немцами воевал... Он в этих... в конных гренадерах служил. Он нездешний. У того имение в Самарской губернии было...

– Классный старик... – восхищенно шепнул кто-то.

– Его самого бы в музей, – проворчал голый.

Пришли в шатер. Розовый шелк звездой расходился вверх и плыл со стен волнами, розовый ковер глушил всякий звук. В нише из розового тюля стояла двуспальная резная кровать. Как будто недавно еще, в эту ночь спали в ней два тела. Жилым все казалось в шатре: и зеркало в раме серебряных листьев, альбом на столике в костяном переплете и портрет последней княгини на мольберте – княгини юной, княгини в розовом. Лампа, граненые флаконы, карточки в светлых рамках, брошенная подушка казалась живой... Раз триста уже водил Иона экскурсантов в спальню Тугай-Бегов и каждый раз испытывал боль, обиду и стеснение сердца, когда проходила вереница чужих ног по коврам, когда чужие глаза равнодушно шарили по постели. Срам. Но сегодня особенно щемило у Ионы в груди от присутствия голого и еще от чего-то неясного, что и понять было нельзя... Поэтому Иона облегченно вздохнул, когда осмотр кончился. Повел незваных гостей через бильярдную в коридор, а оттуда по второй восточной лестнице на боковую террасу и

⁵...с эспантонами, палашами... – Эспантон – копье с длинным наконечником, служившее почетным оружием офицеров русской армии в XVIII в.

⁶ Палаши – прямая сабля, рубящее и колющее ручное оружие тяжелой кавалерии.

⁷...со шлемами кавалергардов... – Кавалергарды – особые, привилегированные воинские части в русской армии (гвардии). Первоначально (с 1724 г.) – императорская стража, с 1800 г. – полки гвардейской тяжелой кавалерии.

вон.

Старик сам видел, как гурьбой ушли посетители через тяжелую дверь и Дунька заперла ее на замок.

Вечер настал, и родились вечерние звуки. Где-то под Орешневым засвистали пастухи на дудках, за прудами звякали тонкие колокольцы – гнали коров. Вечером вдали пророкотало несколько раз – на учебной стрельбе в красноармейских лагерях.

Иона брел по гравию ко двору, и ключи бренчали у него на поясе. Каждый раз, как уезжали посетители, старик аккуратно возвращался во дворец, один обходил его, разговаривая сам с собой и посматривая внимательно на вещи. После этого наступал покой и отдых и до сумерек можно было сидеть на крылечке сторожевого домика, курить и думать о разных старческих разностях.

Вечер был подходящий для этого, светлый и теплый, но вот покоя на душе у Ионы, как назло, не было. Вероятно, потому, что расстроил и взбудоражил Иону голый. Иона, ворча что-то, вступил на террасу, хмуро оглянулся, прогремел ключом и вошел. Мягко шаркая по ковру, он поднялся по лестнице.

На площадке у входа в бальный зал он остановился и побледнел.

Во дворце были шаги. Они слышались со стороны бильярдной, прошли боскетную, потом стихли. Сердце у старика остановилось на секунду, ему показалось, что он умрет. Потом сердце забилось часто-часто, в перебой с шагами. Кто-то шел к Ионе, в этом не было сомнения, твердыми шагами, и паркет скрипел уже в кабинете.

«Воры! Беда! – мелькнуло в голове у старика. – Вот оно, вещее, чужое... беда». Иона судорожно вздохнул, в ужасе оглянулся, не зная, что делать, куда бежать, кричать. Беда...

В дверях бального зала мелькнуло серое пальто и показался иностранец в золотых очках. Увидав Иону, он вздрогнул, испугался, даже попятился, но быстро оправился и лишь тревожно погрозил Ионе пальцем.

– Что вы? Господин? – в ужасе забормотал Иона. Руки и ноги у него задрожали мелкой дрожью. – Тут нельзя. Вы как же это остались? Господи Боже мой... – Дыхание у Ионы перехватило, и он смолк.

Иностранец внимательно глянул Ионе в глаза и, придвинувшись, негромко сказал по-русски:

– Иона, ты успокойся! Помолчи немного. Ты один?

– Один... – переведя дух, молвил Иона. – Да вы зачем, царица небесная?

Иностранец тревожно оглянулся, потом глянул вверх Ионы в вестибюль, убедился, что за Ионой никого нет, вынул правую руку из заднего кармана и сказал уже громко, картаво:

– Не узнал, Иона? Плохо, плохо... Если уж ты не узнаешь, то это плохо.

Звуки его голоса убили Иону, колена у него разъехались, руки похолодели, и связка ключей брякнулась на пол.

– Господи Иисусе! Ваше сиятельство. Батюшка, Антон Иоаннович. Да что же это? Что же это такое?

Слезы заволокли туманом зал, в тумане запрыгали золотые очки, пломбы, знакомые раскосые блестящие глаза. Иона давился, всхлипывал, заливая перчатки, галстух, тычась трясущейся головой в жесткую бороду князя.

– Успокойся, Иона, успокойся, Бога ради, – бормотал тот, и жалостливо и тревожно у него кривилось лицо, – услышать может кто-нибудь...

– Ба... батюшка, – судорожно прошептал Иона, – да как же... как же вы приехали? Как? Никого нету. Нету никого, один я...

– И прекрасно, бери ключи, Иона, идем туда, в кабинет!

Князь повернулся и твердыми шагами пошел через галерею в кабинет. Иона, ошалевший, трясущийся, поднял ключи и поплелся за ним. Князь оглянулся, снял серую пуховую шляпу, бросил ее на стол и сказал:

– Садись, Иона, в кресло!

Затем, дернув щекой, оборвал со спинки другого, с выдвижным пультом для чтения, таб-

личку с надписью «В кресла не садиться» и сел напротив Ионы. Лампа на круглом столе жалобно звякнула, когда тяжелое тело вдавилось в сафьян.

В голове у Ионы все мутилось и мысли прыгали бестолково, как зайцы из мешка, в разные стороны.

– Ах, как ты подрыхлел, Иона, Боже, до чего ты старенький! – заговорил князь, волнуясь. – Но я счастлив, что все же застал тебя в живых. Я, признаться, думал, что уж не увижу. Думал, что тебя тут уморили...

От княжеской ласки Иона расстроился и зарыдал тихонько, утирая глаза.

– Ну, полно, полно, перестань...

– Как... как же вы приехали, батюшка? – шмыгая носом, спрашивал Иона. – Как же это я не узнал вас, старый хрен? Глаза у меня слепнут... Как же это вернулись вы, батюшка? Очки-то на вас, очки, вот главное, и борода... И как же вы вошли, что я не заметил?

Тугай-Бег вынул из жилетного кармана ключ и показал его Ионе.

– Через малую веранду из парка, друг мой! Когда вся эта сволочь уехала, я и вернулся. А очки (князь снял их), очки здесь уже, на границе, надел. Они с простыми стеклами.

– Княгинюшка-то, Господи, княгинюшка с вами, что ли?

Лицо у князя мгновенно постарело.

– Умерла княгиня, умерла в прошлом году, – ответил он и задергал ртом, – в Париже умерла от воспаления легких. Так и не повидала родного гнезда, но все время его вспоминала. Очень вспоминала. И строго наказывала, чтобы я тебя поцеловал, если увижу. Она твердо верила, что мы увидимся. Все Богу молилась. Видишь, Бог и привел.

Князь приподнялся, обнял Иону и поцеловал его в мокрую щеку. Иона, заливаясь слезами, закрестился на шкафы с книгами, на Александра I, на окно, где на самом доньшке таял закат.

– Царствие небесное, царствие небесное, – дрожащим голосом пробормотал он, – панихиду, панихиду отслужу в Орешневе.

Князь тревожно оглянулся, ему показалось, что где-то скрипнул паркет.

– Нету?

– Нету, не беспокойтесь, батюшка, одни мы. И быть некому. Кто ж, кроме меня, придет.

– Ну, вот что. Слушай, Иона. Времени у меня мало. Поговорим о деле.

Мысли у Ионы вновь стали на дыбы. Как же, в самом деле? Ведь вот он. Живой! Приехал. А тут... Мужики, мужики-то!.. Поля?

– В сам деле, ваше сиятельство, – он умоляюще поглядел на князя, – как же теперь быть? Дом-то? Аль вернут?..

Князь рассмеялся на эти слова Ионы так, что зубы у него оскалились только с одной стороны – с правой.

– Вернут? Что ты, дорогой!

Князь вынул тяжелый желтый портсигар, закурил и продолжал:

– Нет, голубчик Иона, ничего они мне не вернут... Ты, видно, забыл, что было... Не в этом суть. Ты вообще имей в виду, что приехал-то я только на минуту и тайно. Тебе беспокоиться абсолютно нечего, тут никто и знать ничего не будет. На этот счет ты себя не тревожь. Приехал я (князь поглядел на угасающие рощи), во-первых, поглядеть, что тут творится. Сведения я кой-какие имел; пишут мне из Москвы, что дворец цел, что его берегут как народное достояние... Народное... (зубы у князя закрылись с правой стороны и оскалились с левой). Народное – так народное, черт их бери. Все равно. Лишь бы было цело. Оно так даже и лучше... Но вот в чем дело: бумаги-то у меня тут остались важные. Нужны они мне до зарезу. Насчет самарских и пензенских имений. И Павла Ивановича тоже. Скажи, кабинет-то мой рабочий растащили или цел? – Князь тревожно тряхнул головой на портьеру.

Колеса в голове Ионы ржavo закрипели. Перед глазами вынырнул Александр Эртус, образованный человек в таких же самых очках, как и князь. Человек строгий и важный. Научный Эртус каждое воскресенье наезжал из Москвы, ходил по дворцу в скрипучих рыжих штиблетах, распоряжался, наказывал все беречь и просиживал в рабочем кабинете долгие часы, заваленный книгами, рукописями и письмами по самую шею. Иона приносил ему туда мутный чай. Эртус ел бутерброды с ветчиной и скрипел пером. Порой он расспрашивал Иону о старой жизни и записывал, улыбаясь.

– Цел-то цел кабинет, – бормотал Иона, – да вот горе, батюшка ваше сиятельство, запеча-

тан он. Запечатан.

– Кем запечатан?

– Эртус Александр Абрамович из комитета...

– Эртус? – картаво переспросил Тугай-Бег. – Почему же именно Эртус, а не кто-нибудь другой запечатывает мой кабинет?

– Из комитета он, батюшка, – виновато ответил Иона, – из Москвы. Наблюдение ему, вишь, поручено. Тут, ваше сиятельство, внизу-то, библиотека будет и учить будут мужиков. Так вот он библиотеку устраивает.

– Ах, вот как! Библиотеку, – князь ощерился, – что ж, это приятно! Я надеюсь, им хватит моих книг? Жалко, жалко, что я не знал, а то бы я им из Парижа еще прислал. Но ведь хватит?

– Хватит, ваше сиятельство, – растерянно хрипнул Иона, – ведь видимо-невидимо книг-то у нас. – Мороз прошел у Ионы по спине при взгляде на лицо князя.

Тугай-Бег съехался в кресле, поскреб подбородок ногтями, затем зажал бородку в кулак и стал диковинно похож на портрет раскосого в мурмолке. Глаза его подернулись траурным пеплом.

– Хватит? Превосходно. Этот твой Эртус, как я вижу, образованный человек и талантливый. Библиотеки устраивает, в моем кабинете сидит. Да-с. Ну... а знаешь ли ты, Иона, что будет, когда этот Эртус устроит библиотеку?

Иона молчал и глядел во все глаза.

– Этого Эртуса я повешу вон на той липе, – князь белой рукой указал в окно, – что у ворот. (Иона тоскливо и покорно глянул вслед руке.) Нет, справа, у решетки. Причем день Эртус будет висеть лицом к дороге, чтобы мужики могли полюбоваться на этого устроителя библиотек, а день лицом сюда, чтобы он сам любовался на свою библиотеку. Это я сделаю, Иона, клянусь тебе, чего бы это ни стоило. Момент такой настанет, Иона, будь уверен, и, может быть, очень скоро. А связей, чтобы мне заполучить Эртуса, у меня хватит. Будь покоен...

Иона судорожно вздохнул.

– А рядышком, – продолжал Тугай нечистым голосом, – знаешь, кого пристроим? Вот этого голого. Антонов Семен. Семен Антонов, – он поднял глаза к небу, запоминая фамилию. – Честное слово, я найду товарища Антонова на дне моря, если только он не подохнет до той поры или если его не повесят в общем порядке на Красной площади. Но если даже повесят, я перевешу его на день-два к себе. Антонов Семен уже раз пользовался гостеприимством в Ханской ставке и голый ходил по дворцу в пенсне, – Тугай проглотил слюну, отчего татарские скулы вылезли желваками, – ну что ж, я приму его еще раз, и тоже голого. Ежели он живым мне попадет-ся в руки, у, Иона!.. не поздравлю я Антонова Семена. Будет он висеть не только без штанов, но и без шкуры! Иона! Ты слышал, что он сказал про княгиню-мать? Слышал?

Иона горько вздохнул и отвернулся.

– Ты верный слуга, и, сколько бы я ни прожил, я не забуду, как ты разговаривал с голым. Неужели тебе теперь не приходит в голову, как я в ту же секунду не убил голого? А? Ведь ты же знаешь меня, Иона, много лет? – Тугай-Бег взялся за карман пальто и выдавил из него блестящую рубчатую рукоятку; беловатая пенка явственно показалась в углах рта, и голос стал тонким и сиплым. – Но вот не убил! Не убил, Иона, потому что сдержался вовремя. Но чего мне стоило сдержаться, знаю только один я. Нельзя было убить, Иона. Это было бы слабо и неудачно, меня схватили бы, и ничего бы я не выполнил из того, зачем приехал. Мы сделаем, Иона, большее... Получше, – князь пробормотал что-то про себя и стих.

Иона сидел, мутясь, и в нем от слов князя ходил холодок, словно он наглотался мяты. В голове не было уже никаких мыслей, а так, одни обрывки. Сумерки заметно заползали в комнату. Тугай втолкнул ручку в карман, поморщившись, встал и глянул на часы.

– Ну, вот что, Иона, поздно. Надо спешить. Ночью я уеду. Устроим же дела. Во-первых, вот что, – у князя в руках очутился бумажник, – бери, Иона, бери, верный друг! Больше дать не могу, сам стеснен.

– Ни за что не возьму, – прохрипел Иона и замахал руками.

– Бери! – строго сказал Тугай и запихнул сам Ионе в карман бушлата белые бумажки. Иона всхлипнул. – Только смотри тут не меняй, а то пристанут – откуда. Ну-с, а теперь самое главное. Позволь уж, Иона Васильевич, перебыть до поезда во дворце. В два ночи уеду в Москву. Я в кабинете разберу кое-какие бумаги.

– Печать-то, батюшка, – жалобно начал Иона.

Тугай подошел к двери, отодвинул портьеру и сорвал одним взмахом веревочку с сургучом. Иона ахнул.

– Вздор, – сказал Тугай, – ты, главное, не бойся! Не бойся, мой друг! Я тебе ручаюсь, устрою так, что тебе ни за что не придется отвечать. Веришь моему слову? Ну, то-то...

Ночь подходила к полночи. Иону сморило сном в караулке. Во флигельке спали истомленная Татьяна Михайловна и Мумка. Дворец был бел от луны, слеп, безмолвен...

В рабочем кабинете с наглухо закрытыми черными шторами горела на открытой конторке керосиновая лампа, мягко и зелено освещая вороха бумаг на полу, на креслах и на красном сукне. Рядом в большом кабинете с задернутыми двойными шторами нагорали стеариновые свечи в канделябрах. Нежными искорками поблескивали переплеты в шкафах, Александр I ожил и, лысый, мягко улыбался со стены.

За конторкой в рабочем кабинете сидел человек в штатском платье и с кавалергардским шлемом на голове. Орел победно взвизывал над потускневшим металлом со звездой. Перед человеком сверх вороха бумаг лежала толстая клеенчатая тетрадь. На первой странице бисерным почерком было написано вверху:

Алекс. ЭРТУС
История Ханской ставки

ниже:

1922-1923.

Тугай, упершись в щеки кулаками, мутными глазами глядел не отрываясь на черные строчки. Плыла полная тишина, и сам Тугай слышал, как в жилете его неуклонно шли, откусывая минуты, часы. И двадцать минут, и полчаса сидел князь недвижно.

Сквозь шторы вдруг проник долгий тоскливый звук. Князь очнулся, встал, громыхнув креслами.

– У-у, проклятая собака, – проворчал он и вошел в парадный кабинет. В тусклом стекле шкафа навстречу ему пришел мутный кавалергард с блестящей головой. Приблизившись к стеклу, Тугай всмотрелся в него, побледнел, болезненно усмехнулся.

– Фу, – прошептал он, – с ума сойдешь.

Он снял шлем, потер висок, подумал, глядя в стекло, и вдруг яростно ударил шлем оземь так, что по комнатам пролетел гром и стекла в шкафах звякнули жалобно. Тугай сгорбился после этого, отшвырнул каску в угол ногой и зашагал по ковру к окну и обратно. В одиночестве, полный, по-видимому, важных и тревожных дум, он обмяк, постарел и говорил сам с собой, бормоча и покусывая губы:

– Это не может быть. Не... не... не...

Скрипел паркет, и пламя свечей ложилось и колыхалось. В шкафах зарождались и исчезали седоватые зыбкие люди. Круто повернув на одном из кругов, Тугай подошел к стене и стал всматриваться. На продолговатой фотографии тесным амфитеатром стояли и сидели застывшие и так увековеченные люди с орлами на головах. Белые раструбы перчаток, рукояти палашей. В самом центре громадной группы сидел невзрачный, с бородкой и усами, похожий на полкового врача человек⁸. Но головы сидящих и стоящих кавалергардов были вполоборота напряженно прикованы к небольшому человеку, погребенному под шлемом.

Подавлял белых напряженных кавалеристов маленький человек, как подавляла на бронзе надпись о нем. Каждое слово в ней с заглавной буквы. Тугай долго смотрел на самого себя, си-

⁸...сидел невзрачный, с бородкой и усами, похожий на полкового врача человек. – Свое критическое отношение к императору Николаю II Булгаков не скрывал, и оно сохранилось у писателя до конца жизни.

дящего через двух человек от маленького человека.

– Не может быть, – громко сказал Тугай и оглядел громадную комнату, словно в свидетели приглашал многочисленных собеседников. – Это сон. – Опять он пробормотал про себя, затем бессвязно продолжал: – Одно, одно из двух: или это мертво... а он... тот... этот... жив... или я... не поймешь...

Тугай провел по волосам, повернулся, увидел идущего к шкафу, подумал невольно: «Я постарел», – опять забормотал:

– По живой моей крови, среди всего живого шли и топтали, как по мертвому. Может быть, действительно я мертв? Я – тень? Но ведь я живу, – Тугай вопросительно посмотрел на Александра I, – я все ощущаю, чувствую. Ясно чувствую боль, но больше всего ярость, – Тугаю показалось, что голый мелькнул в темном зале, холод ненависти прошел у Тугая по суставам, – я жалею, что я не застрелил. Жалею. – Ярость начала кипеть в нем, и язык пересох.

Опять он повернулся и молча заходил к окну и обратно, каждый раз сворачивая к простенку и вглядываясь в группу. Так прошло с четверть часа. Тугай вдруг остановился, провел по волосам, взялся за карман и нажал репетир. В кармане нежно и таинственно пробило двенадцать раз, после паузы на другой тон один раз четверть и после паузы три минуты.

– Ах, Боже мой, – шепнул Тугай и заторопился. Он огляделся кругом и прежде всего взял со стола очки и надел их. Но теперь они мало изменили князя. Глаза его косили, как у Хана на полотне, и белел в них лишь легкий огонь отчаянной созревшей мысли. Тугай надел пальто и шляпу, вернулся в рабочий кабинет, взял бережно отложенную на кресле пачку пергаментных и бумажных документов с печатями, согнул ее и с трудом втиснул в карман пальто. Затем сел к конторке и в последний раз осмотрел вороха бумаг, дернул щекой и, решительно кося глазами, приступил к работе. Откатив широкие рукава пальто, прежде всего он взялся за рукопись Эртуса, еще раз перечитал первую страницу, оскалил зубы и рванул ее руками. С хрустом сломал ноготь.

– А т... чума! – хрипнул князь, потер палец и приступил к работе бережней. Надорвав несколько листов, он постепенно превратил всю тетрадь в клочья. С конторки и кресел сгреб ворох бумаг и натащил их кипами из шкафов. Со стены сорвал небольшой портрет елизаветинской дамы, раму разбил в щепы одним ударом ноги, щепы на ворох, на конторку и, побагровев, придвинул в угол под портрет. Лампу снял, унес в парадный кабинет, а вернулся с канделябром и аккумулятно в трех местах поджег ворох. Дымки забегали, в кипе стало извиваться, кабинет неожиданно весело ожил неровным светом. Через пять минут душило дымом.

Прикрыв дверь и портьеру, Тугай работал в соседнем кабинете. По вспоротому портрету Александра I лезло, треща, пламя, и лысая голова коварно улыбалась в дыму. Встрепанные томы горели стоймя на столе, и тлело сукно. Поодаль в кресле сидел князь и смотрел. В глазах его теперь были слезы от дыму и веселая бешеная дума. Опять он пробормотал:

– Не вернется ничего. Все кончено. Лгать не к чему. Ну так унесем же с собой все это, мой дорогой Эртус.

...Князь медленно отступал из комнаты в комнату, и сероватые дымы лезли за ним, бальными огнями горел зал. На занавесах изнутри играли и ходуном ходили огненные тени.

В розовом шатре князь развинтил горелку лампы и вылил керосин в постель; пятно разошлось и закапало на ковер. Горелку Тугай швырнул на пятно. Сперва ничего не произошло: огонек сморщился и исчез, но потом он вдруг выскочил и, дыхнув, ударил вверх, так что Тугай еле отскочил. Полог занялся через минуту, и разом, ликующе, до последней пылинки, осветился шатер.

– Теперь надежно, – сказал Тугай и заторопился.

Он прошел боскетную, бильярдную, прошел в черный коридор, гремя, по винтовой лестнице спустился в мрачный нижний этаж, тенью вынырнул на освещенной луной двери на восточную террасу, открыл ее и вышел в парк. Чтобы не слышать первого вопля Ионы из караулки, воя Цезаря, втянул голову в плечи и незабытыми тайными тропами нырнул во тьму...

Комментарии. В. И. Лосев ХАНСКИЙ ОГОНЬ

Впервые – Красный журнал для всех. 1924. № 2. С подписью: «М. Булгаков».

Печатается по тексту журнальной публикации.

Сочинение это вызывало и вызывает в настоящее время восторженные отклики писателей, критиков, читателей. Вот как характеризует это произведение известный литературовед В. В. Новиков: «„Ханский огонь“ – наиболее булгаковская вещь. По жанру это скорее повесть, чем рассказ, – с острейшим занимательным сюжетом и с рельефно выписанными типами... Изобразительная сила его рассказа (в пластических деталях) равна бунинской... Может быть, это самый живописный из повествовательных рассказов Булгакова. И самый историчный. Весь его строй утверждает: логика истории имеет свои законы» (Новиков В. Б. Михаил Булгаков – художник. М., 1926. С. 36-38).

Есть несколько версий о возникновении замысла этого произведения, и каждая из них представляет интерес. Прежде всего было обращено внимание на воспоминания И. С. Овчинникова, сотрудника «Гудка», работавшего вместе с Булгаковым. Константин Симонов в свое время назвал воспоминания Овчинникова самыми живыми и содержательными. Мы приведем из этих воспоминаний отрывок, касающийся замысла «Ханского огня» и его осуществления:

«Сам довольно искушенный новеллист, В. П. Катаев, О'Генри наших писателей, как-то пожаловался:

– Пишут плохо, скучно, никакой выдумки. Прочитаешь два первых абзаца, а дальше можно не читать. Развязка разгадана. Рассказ просматривается насквозь до последней точки.

Задетый за живое, вдруг встречается другой наш новеллист – Булгаков:

– Клянусь и обещаюсь: напишу рассказ и завязку, так и не развяжете, пока не прочитаете последней строчки.

И написал! И, насколько помнится, даже напечатал. Название рассказа – „Антонов огонь“. Вот его канва.

Деревня бунтует. Революция. Помещик бросил усадьбу и сбежал. Батраки, дворня, ставши хозяевами экономии, живут как умеют. Водовоз Архип растер сапогом ногу. Начинается гангрена – антонов огонь. Срочно надо ехать за врачом, а лошади нет. Общая растерянность, тревога. А ночью в усадьбе пожар. Тайно вернулся ее владелец – князь Антон и спалил постройки. По авторскому замыслу, пожар и был тот настоящий антонов огонь, который дал заголовок рассказу. Но раскрывается это действительно только в последнем абзаце.

Когда Михаил Афанасьевич читал вслух „Антонов огонь“, мне вспомнился один давнишний наш с ним разговор.

Деревня еще бурлила. Крестьяне то подожгут помещичью усадьбу, то учинят расправу над самим помещиком.

Булгаков шутит:

– Ликуйте и радуйтесь! Это же ваш народ-богоносец! Это же ваши Платоны Каратаевы!

– Бывают фактики и обратного порядка, – перебил я как-то Булгакова и рассказал действительное происшествие, о котором целый год толковали в нашем уезде.

А получилось так. Один наш кулак-отрубщик собственноручно спалил свой хутор, зарезал пять племенных баранов и, пьяный, пришел с косой на конюшню резать сухожилия жеребцам-производителям. Тут голубчика и сцапали его же бывшие конюхи.

– Позвольте! Это же очень интересно! – оживился вдруг Михаил Афанасьевич, выслушав рассказ. – Так сам и спалил? Ей-Богу? Это же надо обмозговать!

Почти уверен, что князь-поджигатель как литературный образ впервые возник перед Булгаковым в эту именно минуту» (Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988. С. 140-141).

Многие исследователи связывают замысел сочинения с личностью князя Ф. Юсупова и с его имением Архангельское под Москвой. Некоторые приметы этой усадьбы и дворца действительно можно найти в рассказе.

Можно было бы привести и другие интересные свидетельства, связанные с созданием рассказа «Ханский огонь». Но необходимо отметить и другое обстоятельство: все эти внешние факты интересовали Булгакова не только с точки зрения формы произведения, но прежде всего для решения глубокой содержательной проблемы: возможно ли возвращение в Россию владельцев собственности? Иными словами: возможна ли реставрация прежней власти? И в связи с этим писатель, очевидно, с огромным интересом прочитал следующий отрывок из книги И. М. Василевского (Не-Буквы) «Белые мемуары» (Пг.; М., 1923. С. 9): «Все газеты обошло опубликованное Л.

Сосновским письмо, с каким этот князь (речь идет о князе Голицыне. – *В. Л.*) обратился к мужикам, живущим в его бывшем имении в Калужской губернии: „Грабьте, подлецы, все мое добро, грабьте. Только липовой аллеи не трогайте, которая моими предками посажена. На этих липах я вас, мерзавцев, вешать буду, когда вскоре в Россию вернусь"».

Видимо, для Булгакова в те «колеблющиеся» годы вопрос о ближайшем будущем России еще был открытым.